

Лю-лю держал в руках тлеющую ароматную палочку, которая прогорела неравномерно: два коротких огарка и один длинный.

Лицо госпожи Цзинь-старшей стало ещё мрачнее. Она крепче сжала сандаловый посох, пошатнулась и глухо закашлялась.

Госпожа Лин решительно прервала оживлённый спор родственников, намереваясь подойти к алтарю, чтобы взять новую палочку.

— Женщина, как ты смеешь! Где твои манеры? — сурово прикрикнул на неё старейшина рода, сидевший внизу.

Сердце госпожи Лин сжалось от тревоги. Поддерживая Лю-лю, она проговорила:

— Ребёнок, должно быть, испугался чужих людей, вот рука и дрогнула, оттого палочка так и прогорела. Может, зажжём снова?

— Хватит болтать! Ты думаешь, обряд в родовом храме — это детская забава? То туда, то сюда?

Цзинь Жухуэй хотел было выйти вперёд, чтобы успокоить старейшин, но госпожа Цинь намертво вцепилась в его рукав, злобно сверкая глазами. Жухуэй терпеть не мог, когда она так смотрела, и попытался вырвать рукав. В итоге они сцепились прямо на глазах у всех.

Госпожа Лин поспешила воззвать к госпоже Цзинь-старшей, надеясь побудить её вмешаться.

— Наша ветвь рода совсем оскудела, — со слезами в голосе проговорила она. — Мы с таким трудом вымолили этого ребёнка, и день для поклонения предкам выбрали самый благоприятный. Обряд усыновления и так проходит скромно, неужели мы позволим сорвать его только из-за того, что палочка неровно сгорела?

Старейшина, подхваченный её словами, указал на алтарь:

— У вас палочка прогорела не так, как должно, а вы настаиваете на повторе — вот это и есть нарушение правил. Женские рассуждения! Разгневаете предков — не миновать вам кары!

Госпожа Лин пришла в отчаяние, но тут госпожа Цзинь-старшая наконец спросила:

— И что же теперь делать?

— А что тут сделаешь? Сегодня этот ребёнок в ваш дом не войдёт.

— Этого нельзя допустить! — воскликнула госпожа Лин.

Старейшины дружно уставились на неё. Их мутные глаза, казалось, были готовы выжечь в ней дыру. Тот самый старейшина, что передал палочку Лю-лю, поманил Цзинь Жухуэя:

— Чжуньин, тебе и решать, как поступить с делами твоего дома.

Цзинь Жухуэй рывком вырвал рукав — запястье саднило от хватки сварливой жены. Освободившись, он вышел вперёд и сложил руки в приветственном жесте:

— Я хотел бы узнать волю уважаемых дядьёв.

Старейшина кивнул, явно довольный смирением Жухуэя.

Решение было принято быстро: отложить обряд усыновления до тех пор, пока род не обсудит всё как следует. Госпожа Лин прекрасно понимала: упрямые и косные старики из клана Цзинь больше не позволят Лю-лю стать приёмным сыном. А если госпожа Цинь из второй ветви воспользуется моментом и усыновит кого-то раньше неё, то ей самой никогда не подняться с колен.

Цзинь Жухуэй уже собирался высказаться, как вдруг госпожа Лин разразилась рыданиями:

— Наша семья так жалка! Мы с таким трудом пытались продлить род, а вы так жестоки! Госпожа, скажите же хоть слово! Лю-лю — ребёнок, которого вы тоже любили, разве не на него мы возлагали все надежды в будущем?

Услышав это, Цзинь Жухуэй почувствовал, как лицо его заливают краска стыда. Он понимал, что вторая часть фразы адресована ему. Любовь между ним и Цинь давно угасла, детей у них быть не могло, да и о его похождениях с наложницами в клане Цзинь знали все. Когда тайны дома выставили напоказ, Жухуэй почувствовал себя глубоко опозоренным.

Он уже хотел вступить за невестку:

— Невестка, может быть...

В этот момент в зале раздался звонкий, надрывный плач.

Лу Цзюин пришла в себя. Она не заметила, когда Цзинь Шаошу, стоявшая рядом, успела перебежать к госпоже Цинь, но именно она сейчас заливалась криком. Шаошу вопила во всё горло, доводя присутствующих до иступления.

В тот же миг Лю-лю, который до этого беззвучно плакал, внезапно вздрогнул от испуга, опрокинулся назад в объятия госпожи Лин, вытянулся в струнку, его руки одеревенели, и начались неконтролируемые судороги. Вскоре из уголков его рта потекла белая пена.

Все пришли в ужас. Госпожа Цзинь-старшая закричала, требуя позвать лекаря.

Госпожа Лин, не ожидавшая, что ребёнок так испугается, выпустила его из рук и поспешно отступила в сторону, полностью утратив прежний вид любящей матери. Цзинь Шаоцзюнь, стоявший рядом, с испугом наблюдал за происходящим.

В отличие от всеобщей паники, на лице госпожи Цинь отразилось нечто иное.

Лу Цзюин отвела взгляд от холодной усмешки на губах Цинь и молча подошла к госпоже Цзинь-старшей, поддерживая дрожащее тело старушки.

Ближе к вечеру Лу Цзюин вышла из восточного дворика госпожи Цзинь-старшей.

Солнце клонилось к закату, и мягкий желтоватый свет ложился на подол её платья. Женщина шла, словно ступая по поверхности чистого пруда, по которому расходились лёгкие круги. А-Тяо и А-Цзянь ждали её у пруда с лотосами. Увидев Лу Цзюин, А-Тяо подошла ближе:

— Приходила госпожа Сяо. Сказала, что не стоит спешить, пока вы прислуживаете госпоже.

— Госпожа выпила лекарство и отдыхает, сегодня к ней никто не должен заходить. Когда вечером пойдёте к управляющему Чжу за праздничными лепёшками, смотрите, не шумите по дороге.

— Слушаюсь.

Лу Цзюин направилась по галерее к западному дворику. Они шли бесшумно и молча, чтобы не встретиться с теми, кто мог идти навстречу. Проходя мимо скал Линши, она заметила мужской силуэт. Человек пересёк мостик и направился к северному дворику главной ветви рода.

Это был мужчина.

Лу Цзюин узнала его — это был Цзян Кан, помощник уездного судьи Пэнчэна и племянник госпожи Лин.

Сегодняшний сорванный обряд, должно быть, вызвал бурю в обеих ветвях семьи. Возможно, её догадки верны, ведь сейчас, если прислушаться, можно было уловить звуки переполоха. Она предпочла закрыть глаза и уши и ускорила шаг.

Цзян Кан, убедившись, что поблизости никого нет, вошёл в покои госпожи Лин.

Та сидела на кушетке, массируя виски. Увидев Цзян Кана, она прослезилась:

— Ты наконец пришёл! Сегодня в храме...

— Всё хорошо, я знаю.

— Почему у этого Лю-лю случился приступ? Ты же обещал, что всё будет гладко, что мне нужно просто быть хорошей матерью! Цзян Кан, ты вообще занимался этим делом? А эти старики в зале — от их слов просто тошно!

Цзян Кан спрятал руки в широкие рукава. Он терпеливо выслушивал жалобы, на его молодом и красивом лице не было ни тени раздражения — напротив, он сохранял полное спокойствие.

Когда госпожа Лин перевела дыхание, он ответил:

— Раз уж так вышло, скажу тебе две вещи. Во-первых, то, что палочка прогорела к несчастью — не случайность. Старейшины клана Цзинь свято чтут догмы и небесные законы, как они могли не вмешаться?

— Во-вторых, даже если бы госпожа и Цзинь Жухуэй согласились принять ребёнка, кто мог знать, что у Лю-лю скрытая болезнь? Даже если бы никто не препятствовал, ты сама захотела бы растить больного ребёнка?

— Поэтому сегодня ребёнок ни при каких обстоятельствах не вошёл бы в ваш дом. Беда — это то, на чём зиждется счастье; счастье — это то, в чём таится беда. Тётушка, подумай хорошенько, разве я не прав?

Госпожа Лин задумалась, а затем широко раскрыла глаза, подавляя гнев:

— Значит, кто-то специально всё подстроил?

Цзян Кан молча кивнул.

— Если кто и не хотел, чтобы Лю-лю вошёл в дом, так это моя деверья, госпожа Цинь. Но я знаю её — она не стала бы портить мне всё без причины. — Госпожа Лин вдруг что-то вспомнила и, вскочив, схватила Цзян Кана за рукав: — Неужели это девчонка Сяо Минъюэ рассказала ей про пособие за Цзинь Шаои? Нет, ради Цзюин она бы не стала...

Цзян Кан, привыкший к женским интригам, успокаивающе улыбнулся:

— Думаю, сейчас тебе стоит успокоиться. Раз Лю-лю не вошёл в дом, вторая ветвь будет злиться даже больше тебя. Вражда между Цзинь Жухуэем и Цинь после смерти Шаои уже не утихнет. Твои лучшие дни ещё впереди.

Цзян Кан говорил мягко, с подобострастной улыбкой. Он смотрел на покрасневшую госпожу Лин, а затем вдруг перехватил её руки и притянул к себе. Госпожа Лин вскрикнула, но тут же на её лице появилось кокетливое выражение, она прижалась к мужчине, стыдливо опустив глаза.

Молодой человек, который был на десять лет моложе её, вёл себя дерзко, но госпожа Лин не выказала недовольства. Гнев из-за сорванного усыновления мгновенно улетучился, уши её запылали, а по телу разлилось томление.

Она сделала вид, что всё ещё сердится, но голос её звучал вкрадчиво:

— Об этом мы подумаем позже, но ты должен пообещать, что добудешь мне ребёнка, иначе я тебя накажу.

— Как же ты меня накажешь?

Цзян Кан погладил её по щеке.

— Накажу за то, что не следуешь пути добродетели, — проговорила госпожа Лин, опуская свои соблазнительные глаза.

В покоях второй ветви рода в южном дворе.

Госпожа Цинь, вернувшись, перебила всё, что попадалось под руку. Цзинь Жухуэй, не выдержав, хотел уйти, но она, забыв о приличиях, набросилась на него и вцепилась в одежду.

Они заперлись и устроили такой скандал, что дом ходил ходуном, а в конце концов просто разошлись по разным углам.

Госпожа Цинь, указывая на дверь, заливалась слезами:

— Ты заботишься об осиротевшей семье старшего брата, а подумал ли ты о нашем Шаои? Ты знаешь, что он ушёл на службу, потому что его подстрекнула госпожа Лин? Она сказала ему, что Цзюин благородного происхождения и только знатный муж ей пара, и он решил любой ценой добиться славы, поэтому и погиб на границе! Сорок дней со дня смерти Шаои ещё не

прошли, а ты уже поспешил усыновлять ребёнка для Лин! Цзинь Жухуэй, ты не отец, ты вообще не человек!

Цзинь Жухуэй, услышав это, ткнул в неё пальцем:

— Злая женщина! Это ты первой препятствовала браку Шао и Цзюин! Матушка сама обещала всё устроить, а ты действовала исподтишка. Разве Шао не из-за тебя отправился на границу? Говорила, что Цзюин ему не пара — сама ты из нищей деревенской семьи, какое право имеешь судить знатную госпожу? Злая, сварливая баба! Я не отец? Спроси у людей, мать ли ты!

Госпожа Цинь бросилась на него, чтобы продолжить драку. Цзинь Жухуэй, хоть и был учёным человеком, выглядел сейчас растрёпанным и жалким. Слуги, стоявшие за дверью, опустили головы, не смея ни войти, ни уйти.

Вскоре Цзинь Жухуэй выкатился за дверь, словно за ним гнались призраки.

Слуги украдкой заглянули в комнату: госпожа Цинь лежала на лакированном столе, сжимая в руках кусок шёлка и рыдая в голос.

Смерть ребёнка — величайшее горе на свете.

Госпожа Цинь никогда ещё не чувствовала такого отчаяния. Все говорили, что у неё сердце из железа и что она сварливая жена, которая не может удержать мужа, но когда-то она была просто женщиной, мечтавшей о счастье с мужем и детях, о том, чтобы почитать свекровь. Она закрыла лицо руками и закричала, чувствуя, как нож режет её сердце, и боль была такой сильной, что даже слёз не осталось.

Когда Лу Цзюин вернулась в западный дворик, она увидела ту самую девушку. Та была одета в изящное фиолетовое платье, в руках вертела веточку золотистого османтуса и, склонив голову, игриво подмигивала.

Сяо Миньюэ улыбнулась:

— Ну что, разве сегодня не хороший день?

Лу Цзюин посмотрела на сестру, у которой всё было под контролем, и тихо вздохнула:

— Я знала, что это ты.

<http://bllate.org/book/20047/1981192>